

Социальная философия Андре Горца

Конфедерация революционных анархо-синдикалистов

«Я воспринимаю себя как философа — неудачника, который пытается про-тащить свои первоначально философские соображения через политиче-ские или социологические темы. При этом под «философским» вопросом я понимаю следующий основополагающий вопрос: ... Когда я являюсь «самим собой», то есть не игрушкой или определяемым извне продуктом чуждых сил и влияний, а причиной своих собственных поступков, мыслей, чувств, ценностей и т. д. ... То есть философию я понимаю не в духе Гегеля или создателей великих систем, а как усилие понять, исследовать, освоить, освободить и творить самого себя и то, что ты есть».

А. Горц

«Слабости... людей наследуются наиболее стойко; они находят у своих слушателей самую благоприятную почву, в то время как благородные идеи с широкой перспективой вербуют себе последователей с гораздо большим трудом. Ввиду этого современный читатель должен... строить свое собственное суждение. Сам Бакунин блестяще разъясняет, что он никогда не подчинялся ничьему авторитету, кроме авторитета специали-стов в их специальности. Мы учимся у Бакунина — социального критика и смелого поборника свободы; это — его специальность. Его взгляды в дру-гих областях для нас не обязательны, если мы действительно анархисты»

М. Неттлау об ошибках Бакунина

Андре Горц родился в Вене в еврейской семье. Его настоящее имя — Герхард Хирш, позднее он изменил свою фамилию на Хорст. После захвата Австрии нацистской Германией в 1938 г. он перебрался в Швейцарию, учился в школе «Институт Мон-тана». Юноша отказался ехать в США, Палестину или СССР, а предпочел в 1946 г. переселиться во Францию. Это означало для него полную смену окружения — там у него не было ни семьи, ни друзей, ни связей, даже французский язык он практически не знал. Но ему повезло. Он стал любимым учеником философа-экзистенциалиста Жана-Поля Сартра и в течении 9 лет непрерывно изучал его философскую систему, хотя и не был столь связан политически с теми течениями, к которым принадлежал Сартр.

В это время он написал свои первые работы, навеянные Сартром. Горц задумал трехтомное философское исследование «Основы морали». Первый том должен был быть посвящен субъекту в его отношении к себе и к миру, второй — отношению субъекта с другими субъектами, третий — отношениям субъекта с коллективом (обществом). Труд удалось издать только частично: в 1948 г. — черновик второго тома, из третьего — раздел «Мораль истории» и куски, вошедшие позднее в его книгу «Прощание с пролетариатом». Первый том так и не увидел свет, но Горц написал как бы приложение этих идей к самому себе. Эссе вышло под названием «Предатель», и предисловие к нему написал Сартр.

«Мораль истории» стала как бы продолжением фундаментального труда Сартра «Бытие и ничто», попыткой ответить на вопросы, которые учитель поставил, но оставил без ответа: об идентичности, об экзистенциальном обращении, о свободе как высшей ценности и одновременно основе всех ценностей. Для этого ему потребовалось определенным образом переработать сартровскую онтологию. Далее он сконцентрировался на развитии теории отчуждения Маркса и Сартра, причем опирался не только на работу учителя «Критика диалектического разума», но и на исследования американских социологов Дэвида Ризмана и Райта Миллза, которые он соединил с экзистенциалистским марксизмом. Горца интересовал прежде всего вопрос: в чем состоит и чем вызван тот факт, что развитие собственной свободы невозможно в силу реальной ситуации? Насколько возможно классовое самоосвобождение пролетариата? Молодой философ стремился вопреки диалатовским догмам показать, что пролетариат может быть революционным и добиться освобождения только если во всех своих частях и представителях превращает себя в субъект отрицания и присвоения того, что делают из него материальные условия. Никакой объективной необходимости самоосвобождения не существует. Более того, в современном «обществе благосостояния» вследствие разрыва между трудом и потреблением отчуждение испытывают также потребители, «массовый человек» и даже предприниматели. Освобождение, понимаемое как ликвидация отчуждения, невозможно только на каком-то одном уровне.

Влияние сартровской концепции отчуждения продолжает сказываться вплоть до самых последних работ А.Горца. Поэтому, вероятно, стоит напомнить, в чем она состоит.

Прежде всего, по Сартру, субъект всегда индивидуален; групповое и коллективное вторично. Свобода истолковывается, в первую очередь, не как политическое или социальное, а как экзистенциальное понятие. Индивид как бы по самому своему существу «обречен» на свободу. Вопрос лишь в том, бежит ли он от этой свободы, превращая себя в орудие чего-то вне его самого находящегося, надчеловеческого — или «присваивает», принимает ее, выдвигая свои цели и беря на себя ответственность за это.

В современном обществе человек становится игрушкой чуждых ему сил. Именно это состояние Сартр и Горц определяют как отчуждение, опираясь на «Немецкую идеологию» Маркса. «Общественные индивиды» (члены общества) воспринимают результат своих (взаимо)действий как некую чуждую силу, противоречащую его воле. Почему это происходит? Потому что совокупный процесс общественного развития, сумма действий индивидов подчинены материальным закономерностям, которые

никто заранее не может знать и контролировать. Судьба человека «определяется извне», покоряясь интересам прибыли, товарному фетишизму, потребительству, формальной рациональности, увеличению производства и т.д. Итог действий всех вместе не соответствует желаниям каждого отдельного индивида (Сартр называл это состояние «антифинальностью») и предстает по отношению к нему как внешняя сила. Человек, «определяемый извне, отчужден, он «гетерономен», а не «автономен». Позднее, в «Критике разделения труда» и «Критике экономического разума» Горц разовьет эту идею: он назовет причинами такого положения разделение труда, индустриализм и (вслед за Максом Вебером) развитие «формальной рациональности» и покажет его проявления в системах рыночной экономики и «централизованного планирования».

Как можно преодолеть отчуждение? Создать обстоятельства, при которых каждый сможет осознать и спланировать результаты своего взаимодействия с другими членами общества, результаты своей деятельности и своего труда, осознать их как им самим делаемые и желаемые, а нежелаемые — устранить.

В начале 60-х гг. А.Горц выступил как один из теоретиков так называемых «революционных реформ». В 1960 г. он стал членом редколлегии журнала «Тан модерн», издававшегося Сартром и Симоной де Бовуар. С позиций «критического марксизма» он полемизировал с теоретиками «Французской компартии», а в 1969 г. — с маоистами, написал ряд заметных работ — «Трудный социализм» (1967), «Реформа и революция» (1969). До 1982 г. под псевдонимом «Мишель Боске» он работал в журнале «Нувель обсерватёр», который был тогда рупором «новых левых» — пока не начал поддерживать Миттерана.

1968 год стал началом поворота в позиции Горца — в сторону концепции альтернативизма, коммунитаризма, общины, или, как он сам говорил, «поворота от Маркса к Илличу» (теоретику «альтернативного развития»). В результате появился знаменитый сборник статей «Критика разделения труда», где были сформулированы многие ключевые идеи экологического движения — и прежде всего, антипродуктивистская критика современного капитализма.

Еще в домайских работах (особенно в написанной в 1964 г. «Рабочей стратегии и неокapитализме») Горц определял новую фазу развития капитализма как период роста зависимости работника в результате того, что отчуждение распространяется не только на сферу производства, но и на все области жизни. Потребление подчиняется интересам производства ради прибылей капитала, которое становится самоцелью. В результате «общество потребления» удовлетворяет количественные материальные потребности людей, но подавляет высшие, созидательные, духовные. Поэтому Горц полагал, что революционное рабочее движение должно бороться с отчуждением на производстве и в обществе, переориентировавшись на новую стратегию — изменения всего образа жизни.

Теперь Горц пришел к выводу, что основной источник отчуждения в обществе следует искать в самом индустриальном способе производства, в существующем разделении труда и вытекающих из него отношениях иерархии, господства — подчинения, начиная со сферы производства и кончая всеми областями жизни. Существующие технологии программируют отчуждение. «Волей к господству насквозь пропитаны как само существо машин и механизмов, так и организация производ-

ства с воплотившимся в ней разделением труда: с одной стороны, капитал и его представители и администраторы, а с другой, — исполнители, занятые в процессе производства». Фабричная технология предполагает «определенное техническое разделение труда, последнее же требует субординации, иерархии и деспотизма». Фабричный деспотизм «отчуждает производителя, лишает его возможности контролировать производственный процесс в целом и, более широко, общественное бытие, а с другой, — создает привилегированный управленческий аппарат, складывающийся в конечном счете в господствующий над обществом бюрократический класс».

В итоге, Горц делал вывод о том, что простого изменения формы собственности недостаточно. «Производительные силы, развитые капитализмом, настолько пронизаны его рациональностью, что не могут функционировать согласно рациональности социалистической». Следует преобразовать не только производственные отношения, но и сами производительные силы. «До тех пор, пока материальная матрица капитализма (организация труда, техника и технология) останется неизменной, коллективное присвоение всей совокупности фабрик будет ни чем иным как сугубо абстрактным актом юридического изменения формы собственности, изменения, которое, конечно, не сможет уничтожить угнетение и подчиненность рабочих... Институциональные аппараты производства и обмена в их нынешнем виде не поддаются ни контролю, ни присвоению со стороны производителей, ассоциированных в реальные производственные и жизненные коммуны» — они подвластны только бюрократическому контролю со стороны государства.

В этот период Горц все еще полагал, что главную роль в этих глубинных преобразованиях должен сыграть фабричный рабочий класс, хотя речь должна идти не столько о его классовом, сколько о личностном освобождении. Узко классовая ориентация привела его к временному сближению с полу-маоистской, полу-увриеристской средой наподобие итальянской группы «Лотта континуа»; Горц присутствовал на ее съезде в 1971 г. Впрочем, уже тогда он начинает проявлять интерес к экологии, правда, еще в довольно смутном виде. Как вспоминал позднее Мюррей Букчин, во время посещения Калифорнии Горц встретился с ее губернатором Дж.Брауном и счел его «экосоциалистом».

В 70-х гг. Горц все больше разочаровывается в традиционном рабочем классе и возлагает все свои надежды на новые социальные движения, прежде всего, экологическое. Он видит в нем антикапиталистический протест против наступления техники на общество. Глобальный кризис всей индустриально-капиталистической цивилизации требует решения долгосрочных проблем человечества, но государство и капитал не могут и не хотят их решать. В середине и второй половине десятилетия Горц пишет ряд работ на эту тему — «Экология и политика», «Экология свободы». Он пытается соединить экологию с социализмом, но — в отличие от Букчина 70-х гг. — на практике нередко склоняется к реформистским рецептам. Теперь его подход во многом противоречит тому, что он сам провозглашал еще несколько лет назад.

В 1972 г., отвечая социал-демократу С.Мансхольту, Горц отвергал мысль об экологических реформах в рамках капитализма. Экологическое равновесие, спасение основ человеческой жизни и природы было для него неразрывно связано с социальной революцией и созданием общества, «которое основано не на законе стоимости, а на

принципе: каждому — по потребностям». Государство и реформы, утверждал французский мыслитель, не может осуществлять экологические изменения в интересах всего общества, поскольку «государство есть классовое государство, существующее общество — это классовое общество, и... интересы этого классового общества, которое представляет государство, ни в коей мере не идентичны всеобщим интересам... Только путем разрушения классов, классового общества может осуществиться всеобщий интерес всего общества... Социализм станет реальностью не посредством простой смены правительства... Новое общество возникнет только как результат гигантской, всеми силами ведомой борьбы».

Капитализм, утверждал Горц в «Критике современного капитализма» (1973), страдает от двоякого кризиса — воспроизводства и сверхнакопления. Такие блага, как воздух, вода, пространство, уже не являются бесплатными, поскольку их надо воспроизводить. Сырье также становится менее доступным, более дефицитным и, значит, дорогим. В результате стоимость продукции растет, норма прибыли уменьшается, капитализм распознает в этом физический предел своей главной цели — увеличению прибыли. Развитие производства влечет рост скрытого отчуждения: сами эксплуатируемые классы требуют прироста производства, чтобы иметь возможность более глубоко врасти в общество и выбиться наверх. Низы в индустриальном обществе не лишены жизненных благ, но лишены самостоятельности, возможности общения, пространства и времени, которые становятся привилегией меньшинства.

В конце 70-х гг. тональность Горца изменяется. Он по-прежнему убежден, что капитализм и экология несовместимы, что лишь свободный социализм может обеспечить гармонию и равновесие, но теперь он уже не провозглашает резкую и радикальную революцию и не отрицает однозначно реформистские средства и методы. Он принимает тезис экологического движения о необходимости прекращения экономического роста в силу ограниченности ресурсов Земли, об ограничении потребления. Вместе с этим Горц принимает и стратегию экологического движения: «Ни реформа, ни революция, но замещение. Переход рассеянный, постепенный и расчлененный, как цветное фото, которое медленно проявляется на блеклом листке бумаги». Он больше не требует ликвидации государства: «Не может быть и речи об уничтожении государства одним махом; следует исходить из посылки об его отмирании по мере расширения гражданского общества». Экологическую альтернативу Горц видит в постепенном утверждении экологического общества самоуправления, без бюрократии и без рынка — общества, в котором люди могли бы сами сознательно строить свою жизнь.

Увлечение новыми социальными движениями шаг за шагом привело Андре Горца к написанию его новой книги — «Прощание с пролетариатом. По ту сторону социализма» (1980).

В какой-то степени речь шла о полемическом заострении. Тем не менее, книга произвела эффект разорвавшейся бомбы. Пролетариат, утверждал Горц, так и не стал классом, которому надлежит выполнить историческую миссию преодоления капитализма. Маркс ошибся. По мере экономического развития капитализма пролетариат перестал быть классом, противостоящим капитализму, он превратился в придаток производственного процесса и извлекает из этого положения выгоды.

Рабочий класс не стал революционным классом. Развитие производительных сил не создало материальную основу для возникновения всесторонне развитой личности — оно породило более бедного и зависимого индивида. Рабочий как личность потерял целостность, утратил даже ремесленную целостность процесса труда — он лишь выполняет конкретные операции, носящие дробный характер, его труд не является и не может быть автономным. Пролетариат не может решить задачу коллективного присвоения общественных благ и управления всей совокупностью производительных сил. «Капитализм, — пишет Горц, — порождает рабочий класс, который не способен стать хозяином средств производства, поскольку его интересы, способности, квалификация являются производными от капиталистической рациональности». Автоматизация еще больше уничтожает живой труд, труженик становится безынициативным придатком автомата. Он не может идентифицировать себя с процессом производства как целым, он не ощущает своей принадлежности к классу с особыми интересами. Социализм по Марксу оказался несостоятельным.

Тогда, в 1980 году, многим казалось, что прежний «революционный субъект» исчез. Так полагал и Горц. Он продолжал утверждать, что экономическое положение развитых капиталистических стран делает возможным создание свободного социалистического общества, но заявлял теперь, что оно может быть результатом не действий пролетариата, а «дуалистической стратегии» — взаимодействия базисных, низовых инициатив и реформ сверху.

Базисные инициативы должны опираться на новый «не-класс не-производителей», то есть на тех, кто либо сознательно уклоняется от наемного труда, либо самими социальными условиями поставлен вне его. Этот новый субъект постепенно образует «не-общество», шаг за шагом вытесняющее существующее. По мнению Горца, большинство населения уже теперь принадлежит к этому «постиндустриальному неопролетариату», для которого (наемный) труд перестает быть главным занятием. Этот слой в значительной мере свободен от труда, тем более в условиях кризиса традиционной протестантской трудовой этики. Поэтому ему надлежит отвоевать и закрепить за собой пространства автономии.

Андре Горц утверждает, что развитие производительных сил зашло «слишком далеко», что они теперь организованы по самой своей структуре столь авторитарно и разрушительно, что не поддаются социализации. Но из этого момента блестящей критики капиталистического индустриализма он делает теперь совершенно иной, пессимистический вывод: анархо-коммунистический идеал общества, построенного по принципу «киббуца киббуцев» («коммуны коммун») теперь невозможен. В отличие от Мюррея Букчина, который именно с таким социальным устройством связывал разрыв с индустриально-капиталистической системой и с индустриалистским типом организации производства (статья «Об освободительных технологиях»), Горц принимает в этом вопросе реформистскую логику «меньшего зла» и «дуализма». Позднее он возвращается к этой идее в «Критике экономического разума». По его мысли, гетерономию (отчуждение) полностью вообще невозможно устранить, поскольку любой общественно необходимый труд заведомо несвободен: ведь его «нужно» совершать. Вот почему в сфере труда, в рабочее время можно лишь включить в гетерономию максимально возможное количество автономии, разбавить отчуждение элементами свободы. Но полная автономия, утверждал теперь фран-

цузский философ, возможна только там, где кончается необходимое, в излишнем, в свободное время, и именно сокращение рабочего времени — магистральный путь освобождения. Государство теперь для Горца — историческая неизбежность, которая так или иначе необходима для регулирования пусть сужающейся, но сохраняющейся сферы гетерономии (вместо рынка). Зато сфера автономии, свободного времени может развиваться на либертарных, неиерархических и нерыночных основах взаимопомощи, в виде производственной деятельности и услуг, которые коллективно выполняются индивидами в свободное время в дополнение к сфере гетерономии и постепенно все более сужая ее: «Возможности личностного совершенствования, творчество и коммунитарная деятельность, развиваемые альтернативным сектором, обостряют критическое отношение индивидов к иерархическому разделению труда, к производству продукции сомнительного качества. И наоборот, общественно обязательный труд в сфере необходимости защитит индивида от давления и напряженных отношений в сильно интегрированном сообществе».

Последнее можно воспринимать уже как утешение или превращение нужды в добродетель. Но так или иначе, Горц 80-х гг. прочно становится на сторону «альтернативизма», то есть параллельного существования нынешнего и альтернативного обществ. Эта идея оказала огромное влияние на «зеленое» движение тех лет и стала преобладающей в самых различных его вариантах. Реформисты заявляли, что такой «дуализм» оптимален, именно к нему следует стремиться, его надо развивать, добиваясь на это средств у государства. Революционеры предпочитали видеть в этом сосуществовании временное явление и (подобно немецкому «зеленому» теоретику Р.Баро) рассчитывать на то, что альтернативный самоуправляющийся сектор рано или поздно полностью низвергнет капиталистическую сферу гетерономии.

О том, как можно придти к становлению альтернативного общества, Горц пишет свою следующую книгу — «Пути в рай» (1983). В ней он вновь говорит о тяжелых недугах современной цивилизации. Мы живем в эпоху распада общества, ценностей, надежд, идеологий и моделей преодоления кризиса, в период кризиса реформ и самой господствующей рациональности. Сам индустриализм подошел к своему концу; наступило время смуты и неопределенности. В глубоком кризисе оказался наемный труд, поскольку технологические перемены, автоматизация, ведут к сокращению доли общественно необходимого живого труда. Исчезает трудовая этика. С другой стороны, безработица становится постоянной, структурно обусловленной: она больше не зависит от экономической конъюнктуры. Пространство для «не-класса нетрудящихся» растет. В то же время, ни традиционные, ни новые левые, считает Горц, не понимают, что происходит. Они продолжают цепляться за социальное государство или, напротив, идут на уступки неолиберализму, соглашаясь на интенсификацию труда.

Настало время для великого проекта, связанного с развитием сферы автономии, — утверждает Горц. Единственно возможный выход из кризиса состоит в сокращении где только возможно крупных технологий, порождающих разделение и раскол труда и свободного времени, за счет распространения добровольной кооперативной деятельности, которая направлена не на рынок, а на самообеспечение, на удовлетворение потребностей членов самих самоуправляющихся сообществ, то есть за счет расширения самопроизводства вместо производства товаров на обмен. Таким

образом, по его мнению, сломить не только закон стоимости и привязанность к рынку, но и саму капиталистическую рациональность.

Выдвинув эти революционные положения, французский философ, однако, вновь обращается к реформизму. Для распространения сферы самопроизводства, полагает он, необходимо провести две важнейшие реформы, за которые, по его мысли, и должны выступать левые силы и профсоюзы. Об этих двух мероприятиях он подробно пишет в «Путях в рай» и особенно в своей следующей, своего рода итоговой книге — «Критике экономического разума». Это, во-первых, сокращение рабочего времени и, во-вторых, предоставление каждому члену общества гарантированного социального дохода, независимо от его труда и результатов этого труда.

«Критика экономического разума» (в самом имени ее обыгрывается название работ Сартра) вышла в 1989 г. В этой книге Горц попытался суммировать свои взгляды на общество в виде некоей цельной системы.

Он начинает ее с исследования возникновения понятия о труде и марксовой «трудоутопии». Затем Горц переходит к проблеме функциональной интеграции, или к разрыву между сферой труда и жизнью. Развитие капиталистической экономики, утверждает он вслед за Максом Вебером, требует роста рассчитываемости и предсказуемости, а следовательно, — рационализации всех областей человеческой деятельности, в том числе аппарата управления. Рационализация осуществляется посредством специализации функций; система усложняется и все меньше зависит от каждой из своих отдельных частей. Задача этих частей сводится к осуществлению отдельных функций целого. Этот процесс, раз начавшись, приобретает свою собственную динамику, ведет к бюрократизации, функционализации и омертвлению жизни. В сфере гетерономии социальная интеграция (взаимодействие индивидов как частей общества) подчинена функциональной интеграции; любой человек и коллектив являются колесиком и винтиком целого, контролировать которое он не в состоянии. Это целое как бы регулирует людей и коллективы извне.

Регулирование извне («тотализация», по Сартру) осуществляется двумя путями. Первый основан на стихийной, заранее не предполагаемой и не просчитываемой тотализации действий (спонтанное регулирование извне без регулирующего центра, как в термодинамике). У каждой части — свои намерения; общий результат не соответствует им. Люди, говоря словами Сартра, действуют, как «иные». Таков рынок. Второй вид регулирования извне — планируемое регулирование извне, с помощью гигантских технологических и бюрократических механизмов. В реальном обществе есть элементы как того, так и другого. Для того, чтобы побудить людей подчиняться регулированию извне, система прибегает к инициативному воздействию (материальным и символическим стимулам) и к прескриптивному воздействию (санкциям). Причем лишь первый вид воздействия обеспечивает функциональную интеграцию индивидов, побуждая их пойти добровольно на инструментализацию своей полностью отчужденной деятельности.

Между тем, развитие специализации функций ведет к углублению раскола в обществе между управляющей элитой и управляемыми. Рациональность на индивидуальном уровне вступает в противоречие с рациональностью организации, в итоге жизнь человека распадается на части, причем в частной жизни он ищет компенсации за отчужденное и конкурентное поведение на работе и на службе. А для того,

чтобы иметь средства для компенсации, он вынужден стремиться к еще большему профессиональному успеху. Постепенно бюрократия становится все тяжелее, планируемое регулирование извне — все бесчеловечнее, а камеры несвободы, в которые заключен современный человек, — все более насильственными и одновременно более удобными.

Но рациональность дошла до своей высшей точки и оказалась в кризисе. Функциональная интеграция привела к социальной дезинтеграции, к уничтожению самого общества. Подобно Кропоткину и другим анархистам, Горц отстаивает тезис о том, что капитализм разрушает нормальные общественные связи, отношения между людьми, саму социальность как таковую. Он прослеживает этот процесс на примере как так называемых «соцстран», так и западных рыночных моделей.

Социалистическая теория, по мнению Горца, пыталась достичь недостижимое. Она хотела, чтобы люди, руководствуясь «социалистической сознательностью», воспринимали функциональную интеграцию как социальную интеграцию, то есть воспринимали интересы целого как свои собственные. Это, полагает Горц, еще возможно в небольшой коммуне, где люди работают ради удовлетворения своих потребностей. Но это совершенно недостижимо в огромном производственном аппарате, размеры и сложность которого нельзя охватить взором и не поддаются контролю со стороны отдельного человека или коллектива. Поэтому «социалистический» панрационализм (единый централизованный план) должен был взывать к иррациональным мотивам веры в «светлое будущее», в партию, вождя и т.д. Это требовало и веры в иррациональных врагов, а также обращения к традиционным и дорациональным националистическим ценностям. «Советская» система следовала той же самой индустриалистской рациональности, являясь огрубленной карикатурой на основные черты капитализма. Она так же стремилась к накоплению и экономическому росту, но заменяла спонтанное, рыночное регулирование извне планируемым и централизованным. Социальная система фабрики (фабричный деспотизм) вместе с функциональной иерархией и кастой управленцев переносилась на общество в целом, а любая демократическая дискуссия воспринималась как подрыв рациональных установок. Постепенно разложение затронуло и правящую бюрократию, распространилась коррупция.

Результат был неизбежен — демотивация людей в отношении их труда, бегство в «неформальное» общество (в том числе — в теневые структуры, черный рынок и т.д.). В конце концов бюрократическая система вынуждена была прибегать к помощи теневой сети для компенсации собственной неповоротливости и провалов.

Когда иррациональная вера испарилась, осталось одно принуждение. Надолго этого не хватало, и правящие круги все больше и больше вынуждены были прибегать к мотивированию индивидов, к тому чтобы те развивали в себе компенсаторные потребности («потребительство»), а значит — больше работать. Но для этого шаг за шагом понадобились рынок и частная собственность. Люди должны были предпочитать материальные компенсации прежним гарантиям.

Однако регулирование с помощью стимулирования компенсаторного потребительства дает лишь нестабильную функциональную интеграцию. Она имеет свою логику и ведет к всеобщей монетаризации, а та усиливает социальную дезинтеграцию, вымирание остатков неформального и некоммерческого общения между людьми. В

результате, предупреждает Горц, такая «асоциальная социальность» должна рано или поздно привести к новому усилению полномочий государства.

Именно так происходит в рыночном обществе, где властвует «антифинальность». Горц демонстрирует это на примере сценария Хардина. Предположим, каждый фермер может выпускать пастись на общественное пастбище столько своих коров, сколько он сможет. Однажды общее количество скота достигнет такого предела, после которого «каждая дополнительно выпущенная корова будет давать меньший удой молока с головы. Но это снижение удоев будет происходить за счет всех, в то время как каждый отдельный крестьянин сможет и дальше повышать собственное производство молока, увеличивая число своих коров. Его интерес будет состоять в том, чтобы увеличивать собственное стадо так быстро, как это возможно, причем быстрее, чем все остальные». Преследуя свою индивидуальную выгоду, — подытоживает А. Горц сценарий Г. Хардина, — отдельный крестьянин неотвратимо приближает общую катастрофу. Поэтому рано или поздно наступление неолиберализма вызовет необходимость новой диктатуры (возможно, в форме эофашизма). Государству придется вмешаться во всеобщую антифинальность, чтобы спасти сами основы жизни от всеобщей гибели. Логическим итогом этих процессов станет оруэлловский кошмар полностью дезинтегрированного, тотально растворившегося общества, в котором все саморегулирующиеся социальные связи будут заменены функциональными связями между запрограммированными и подкармливаемыми индивидами. Эти индивиды запрограммированы теми же зрелищами и развлечениями, для участия в которых их призывают.

* * *

Сегодня, в самом конце века, в условиях развития компьютерных, «постфордистских» и «тойотистских» производственных технологий, многое из того, о чем тогда говорил Горц, представляется уже не столь безнадежным и безысходным. Действительно, конвейерная эпоха была, по видимому, наиболее неблагоприятной для социальной революции, экспроприации капитализма и ликвидации отчуждения. Это было время наиболее глубокой и детальной специализации и тотального разделения труда при наличии (правда только в странах капиталистической метрополии) непрерывного экономического роста и формировании общества потребления. Именно эти тенденции блестяще проанализировал Горц. Но возможно, «технологические возможности» для свободы сегодня уже не столь мрачны, как 20 лет назад. Конечно, это не означает, что современные производительные силы автоматически ведут к социально-революционным изменениям. Однако неисключено, что в их рамках формируются условия для преодоления узкой специализации, для сетевой организации и координации экономики и труда. Так, современный капитализм разрушает многие гигантские индустриальные комплексы, заменяя их сложными «цепочками эксплуатации»: сетью отчасти самостоятельных производственных подразделений, предприятий или даже индивидуальных работников. В рамках таких структур практикуется известная автономия участников производственного процесса, через элементы бригадного самоуправления, «кружки качества», «новую самостоятельность труда» и т.д. Теперь уже во многих случаях сами работники отчасти определяют

формы и методы производственного процесса, при этом они же несут основные убытки, в случае неудачи. Подобные меры направлены на рационализацию процесса извлечения прибыли, т.е. служат интересам крупного капитала, придающего сетевым структурам форму “звезды” (Серджо Болонья), привязывающую их к эксплуататорским центрами концентрации капитала через систему работы по контракту. Эти изменения двойственны, они ведут как к росту самостоятельности работников так и к их атомизации (так как теперь автономные индивидуальные работники или отдельные производственные подразделения находятся в процессе непрерывной конкурентной борьбы за заказы получаемые из центра). “Утвердился новый менталитет — пишет современный немецкий либертарный исследователь Карл-Хайнц Рот. — Мы привыкли с ходу критиковать и осуждать этот новый индивидуализм. Но у него есть и положительные аспекты. В нем скрыто требование суверенного распоряжения своим временем и права на самоуправляемое существование. Конечно же, это новое мировоззрение двойственно. Традиционные нормы и структуры распадаются — от семьи до крупных объединений. Этот процесс можно охарактеризовать и такими терминами, как десолидаризация, и возобладание права сильного для осуществления индивидуальных интересов.”

Кроме того, эти процессы наряду с глобализацией капитализма ведут и к падению уровня жизни огромной части людей, занятых в процессе производства. Но отсюда же следует, что капитализм уже не в состоянии в далеко идущей степени удовлетворять материальные потребности работников, и пресловутое общество потребления во все большей степени превращается в миф. Поэтому можно констатировать наличие процесса репролетаризации, “возвращение пролетариата”. “Мировое сообщество 21го века — пишет Рот — распадается на приблизительно 400-500 локальных центров — глобальных городов. Вместе с бурным исчезновением крестьян из мировой экономики происходит капитализация самого сельского хозяйства, ведущая к укреплению структуры крупного землевладения. Это влечет за собой формирование сельского пролетариата, принуждаемого к различным формам несвободного труда. С другой стороны идет массовая миграция обнищавших, лишившихся земли и пролетаризированных людей в новые «глобальные города». В них будет концентрироваться массовая бедность, и эти «глобальные города» станут центрами, в которых снова запыхает классовая борьба”.

Поэтому сегодня как никогда актуальны самопределяемые выступления городского и сельского пролетариата. Но для их успеха по-прежнему необходим радикальный и решительный разрыв с индустриально-капиталистической цивилизацией.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Конфедерация революционных анархо-синдикалистов
Социальная философия Андре Горца

ru.theanarchistlibrary.org